

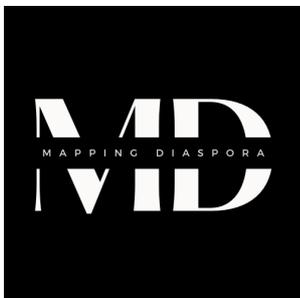
MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

Арсений Петров: В 2022 году я отчасти следил за твоим Фейсбуком.

В какой-то момент ты опубликовал колеблющегося человечка-эквилибриста, очевидно не зная как поступать. Что именно повлияло на твое решение об отъезде?

Андрей Кузькин: Совпало очень много разных факторов. Во-первых, уехали дети, и ушла понятная размеренная жизнь. Я папа выходного дня, в любом случае каждую неделю виделся с детьми, брал их на выходные. Потом уехал лучший друг, который сейчас в Тель-Авиве. И все выставочные планы накрылись медным тазом, потому что у меня была запланирована выставка в Третьяковке со всеми хлебными (скульптурными) работами, сделанными больше чем за 10 лет. Было понятно, что она отменится, после того, как сняли выставку Гриши Брускина. Такое давление нарастало.

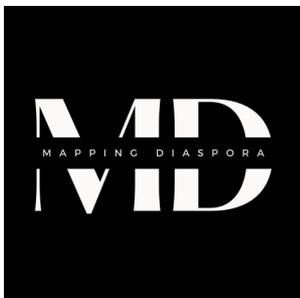
При том, что визу я получил в апреле благодаря моим друзьям во Франции, мы до конца с моей Настей не планировали отъезд. Мы съездили, навестили детей в Израиле, в августе отвезли им собаку, оставленную со мной, вещи, какие-то деньги для жизни там, и вернулись в Москву. Потом купили билеты во Францию вместе с обратными, чтобы просто воспользоваться визой, но затем началась мобилизация. Уехало еще какое-то количество моих друзей, знакомых. Я планировал акцию антивоенного содержания. Собирался ее делать за городом в месте, где проводил прочие разные акции с 2012 года. Друзья и знакомые стали меня отговаривать, чтобы я этого не делал. В результате то, что я не могу работать, не могу высказывать собственные мысли и чувства публично, стало основным моментом. Для меня это было, как выяснилось, приоритетом – возможность говорить и возможность делиться тем, что ты чувствуешь. Наверное, если так оценивать, то именно это послужило катализатором решения, которое было принято буквально за полторы-две недели до отъезда. То есть мы поняли, что будем пытаться остаться там. И тогда я уже написал пост в Фейсбуке о том, что я еду и не знаю, что и как, на который много друзей откликнулось. В результате наша жизнь во Франции более-менее налаживается.

MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

Итак, катализатором стало то, что невозможно говорить, невозможно высказываться, или ты за свои высказывания попадаешь в тюрьму или еще что-то в этом роде происходит. У меня был проект, о котором я давно уже думал, он живописный – идет совершенно вразрез с тем, что я до этого делал. Он назывался "Проходные комнаты. Мечты о радости и свободе". Это комнаты – шесть кубов размером 2,5 на 2,5 метра, в которых есть узкие проходы, а внутри пол, стены и потолок покрыты абстрактной живописью природного содержания, и при этом светлого, наподобие Рая, если сравнивать то Кандинский или Злотников, или что-то такого плана. Я сделал эскизы и долго искал спонсора, но так никого и не нашел и в конце концов уже решил реализовывать проект за свои деньги... И вот была ситуация: Я одной ногой уже собирался уезжать, а другой – искал мастерскую, производство и все прочее, чтобы реализовать этот проект. И в последний момент все-таки принял решение уехать и не запускать его. Я до сих пор о нем мечтаю, но он более актуален, конечно, для России, потому что те, кто остались, они пытаются спрятаться в своем Раю, мирке. Но для меня, конечно, этот проект, как и все остальные мои работы, про возможность только мечтать о свободе и о невозможности ее достичь в принципе на планете Земля. Его реализация отложена в долгий ящик. Потому что понятно, что на новом месте такие большие вещи делать сложно, либо надо искать, опять же, какую-то институцию. Но я в своей жизни никогда никуда не посылал заявки. Как я понимаю, художники в основном живут в Европе, рассылая свои заявки в разные места. Пока я не начал это делать. В каком-то смысле у меня было внутреннее ощущение, что, может быть, я смалодушничал, что надо было оставаться и пускать проект, но я был в невероятной депрессии и принимал даже таблетки, чтобы быть чуть-чуть на плаву. Для меня все-таки было невозможно уйти в свой вымышленный рай, замкнуться в нем, не выходить наружу, во всех смыслах – и в буквальном, и в интеллектуальном. Вот поэтому я принял решение об отъезде.

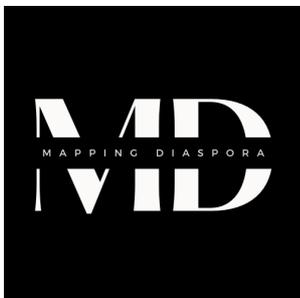
А.П.: Сейчас Париж – место твоего постоянного пребывания. Можно его считать последней точкой или нет?

MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

А.К.: Одному Богу известно. Я случайно сделал французскую визу, это могла бы быть совершенно другая страна. Ну, раз уж я очутился во Франции, то здесь и начал обживаться, социализироваться, общаться. Я по жизни вообще, когда ездил, то только по работе, когда меня приглашали на выставки, участие в проектах. Сам по себе я практически никогда не путешествовал за свой счет. У меня не было ни средств на это, ни, главное, особого желания, видимо, именно путешествовать. Я любил природные походы, но мне хватало для этого России. Поэтому не знаю, думаю, что буду оставаться в Париже и налаживать там свою жизнь. Сейчас идет процесс постепенной легализации и внедрения в жизнь. Если меня куда-то позовут, я с радостью поеду. Я ездил уже в Голландию, участвовал в одном маленьком проекте. Сейчас есть два приглашения: одно в Женеву, второе в Брно, Чехию. Там резиденция, в которой я даже когда-то участвовал дистанционно.

Сейчас бытовая и прочая жизнь будет налаживаться во Франции. Соответственно, менять место и заново все делать, налаживать жизнь по новой сложно, мне эти сложности не нужны. Я мечтаю вернуться в Россию. Я хочу, чтобы война закончилась! Я хочу, чтобы отменили все те ужасные законы, которые были приняты. Я понимаю, что никто не верит в то, что ситуация улучшится в обозримом будущем. Но я же любил свою страну, как бы это пафосно ни звучало. Я, действительно, даже судя по работам, человек в каком-то смысле от земли. И для меня важно кладбище, где похоронены мой отец, бабушка, дедушка в Подмосковье. За год до войны еще мы съездили в деревню в рязанской области где нашли могилы моих предков - прадеда и прабабушки. Увидели дом, в котором родился мой дед. Раньше я знал об этом месте только по его рассказам. Мы ездили с сыном и это была очень важная поездка. Теперь в этой деревне все в Z-ках. В общем, для меня, конечно, это очень большая утрата и я мечтаю о том, чтобы можно было вернуться без опасных для себя последствий. Кто-то из знакомых тут сказал: «Хочешь быть Иисусом – возвращайся». Русская культура и христианская жертвенность она в себе это предполагает, несет. И я ее эксплуатировал в своем искусстве. Но становиться полноценной жертвой, в смысле жертвовать непонятно ради чего своей жизнью, я на

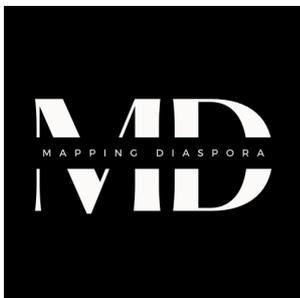
MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

сегодняшний день, как выяснилось, не готов. Может быть, возраст уже не тот... Если бы мне было 20 с чем-то, может быть, я бы был менее жалостливый к себе, но сейчас помирать не хочется. И хочется все-таки действительно работать и иметь возможность высказываться.

А.П.: Что уже сейчас задумано и стало реализовываться на новом месте? Над чем ты стал работать? И если ты поедешь в Женеву на выставку, то что бы ты хотел предложить?

А.К.: Я запустил проект, который называется "Время войны", и на который я уже получил довольно много критики в Фейсбуке. Сколько в нём арт-терапии, сколько – искусства, я не знаю. Я записываю черной шариковой ручкой мелким почерком большие листы плотной бумаги 50х65 сантиметров. Повторяю множество раз одну и ту же фразу: "Я хочу, чтобы кончилась война". На разных языках, прежде всего на трех обязательных – русском, украинском, английском. А четвертый язык добавляется в зависимости от страны, в которой я нахожусь. Соответственно, во Франции – французский. Сейчас в Израиле я попробовал написать несколько листов на иврите, довольно криво получилось. Это сублимация, потому что есть очень очень сильное чувство, с которым ты ничего не можешь сделать. То есть ты не можешь никак повлиять на ситуацию, если ты не готов жертвовать собственной жизнью. И эта деятельность меня спасает на сегодняшний день. Я не знаю, наверное, листов 70 уже написано, около того. Буду продолжать этим заниматься в той или иной степени вовлеченности. Пока война не кончится.

Сейчас я задумал еще одну работу. Называется «Кубики». Задумка такая – сделать каре, кубики из человеческих хлебных фигурок, наподобие тех, в которые солдаты выстраиваются на параде. Несколько штук. И сделать кубики такие же из земли - идентичного размера. И дальше с ними играть. Составлять по-разному. Конечно, было бы круто сделать их большими, прямо в масштабе, но понятно, что сейчас таких возможностей нет, поэтому это будет что-то на столе. После того, как я приеду в Париж, хочу сделать это в виде небольшой инсталляции, и, может быть,

MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

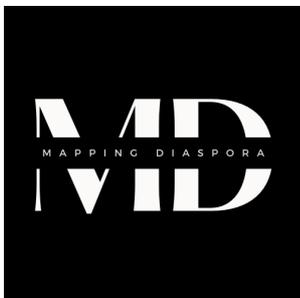
если я буду выставлять свои листы в Женеве и такую скульптурную инсталляцию там тоже можно будет показать.

А.П.: Насколько я знаю, хлебных человечков ты продолжаешь делать на новом месте.

А.К.: Хлебных человечков тоже. Когда я приехал во Францию, это служило так сказать «обживанию» нового пространства. Мы снимаем квартиру в двухэтажном доме и в его подвале я находил много всяких старых вещей, предметы, с которыми комбинировал этих человечков. Но это мелкие мысли, а не крупный обобщающий проект. Это была просто импровизация, просто желание населить пространство своими персонажами и жить в доме уже вместе с ними, потому что от этого легче. Просто миниатюрные работы.

А.П.: Учитывая то, что уже была выставка в Париже, идут первые приглашения, можно ли говорить о том, что тебе удастся встраиваться в новую среду?

А.К.: В Париже один старый друг, с которым мы учились вместе в полиграфическом институте, свел меня с галереей. Она не профильная, занимается торговлей эстампами умерших звезд типа Фрэнсиса Бэкона, Йозефа Бойса, Моралеса, Мирзоева. Но при этом они очень открытые, там все время происходят концерты, встречи философского клуба, и иногда они грешат и современным искусством. Ну и мы пообщались с галеристом, друг другу понравились и буквально за 2,5 месяца была организована выставка. По возможности я буду продолжать с ними сотрудничать. Но я понимаю, что нужно завязывать отношения еще потому, что, как мне объяснили, для визы таланта, которую я планирую делать, надо официально зарабатывать не меньше 14.400 в год. Со стороны кажется хорошим, что я приехал и через два-три месяца сделал выставку, и есть ещё предложения. Я не жалею насчет социализации. Потом здесь ЕлиКуки, с которыми я ещё в Москве

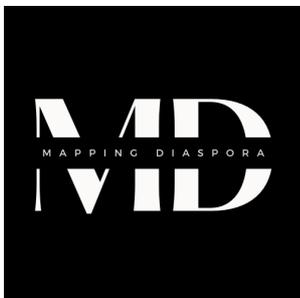
MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

был хорошо знаком. Мы прекрасно с ними тут общаемся. У них сейчас в Париже открылась уже вторая выставка, первая была групповой. Здорово с ними проводим время, они периодически дают концерты.

Когда я приехал, я общался очень активно, наверное, первый месяц, может быть, чуть меньше. Потом засел за работу и не выходил из дома, только в магазин, в течение еще месяца-двух. Потом опять началась эта общительная часть, контакты, связи. В принципе, у меня и в Москве, наверное, была такая же синусоида жизни, то ты замыкаешься и работаешь, что опять выходишь на сцену, и начинаешь активно общаться, коммуницировать, социализироваться.

А.П.: Можно ли говорить о дискриминации в профессиональной среде в связи с тем, что ты приехал из России?

А.К.: На уровне мелких галерей, мне кажется, нет, на уровне институций – да. Вместе с тем, вынашивается и озвучивается разными людьми идея выставки русских художников. Мне звонил Ваня Плющ, он разговаривал до этого с Пашей Отдельновым, который в Лондоне. У всех есть мысль, что надо сделать большую полноценную выставку уехавших русских художников, потому что это гигантский пласт, потому что уехали порядка 90 процентов. Я имею в виду contemporary art, а не классических живописцев, которых тоже много уехало. Такая выставка, срез вообще уехавших русских антивоенных художников, даже в историческом ключе была бы крайне важна, потому что у всех по-разному дальше будет складываться судьба. Кто-то куда-то взлетит, кто-то упадет, кто-то вернется. У всех примерно одни и те же чувства и мысли, но все абсолютно по-разному их выражают. Это было бы интересно, и я такую идею всячески поддерживаю. Но я не организатор, я никогда ничего не курировал, дистанцировался всегда от этой деятельности. Говорили о том, что Ерофеев тоже собирается перебраться в Париж или уже перебрался. Может быть, он что-то сумеет. Я не очень понимаю насколько такая выставка возможна и что это может быть за площадка, потому что, естественно, крупные институции,

MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

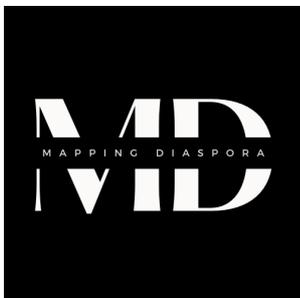
музеи или крупные ассоциации не будут готовы делать выставки русских художников.

А.П.: Удалось ли тебе сохранить отношения с украинскими коллегами или даже как-то взаимодействовать с ними?

А.К.: Взаимодействовать, пока нет. У меня есть несколько друзей из Украины, с которыми у меня хорошие отношения. С одним из них мы участвовали несколько лет назад в перформанс-фестивале в Каунасе. Он начал писать мне в Фейсбуке негативные вещи – вы нас бомбить стали... Но в результате я сумел с ним поговорить и высказать собственную позицию. В итоге, мы с ним если и не близкие друзья, то продолжаем следить друг за другом и отношения нормальные. Я также слежу за Владиславом Краснощекком и Сергеем Лебединским – это группа “Шило”. Краснощека я больше знаю, мы с ним списывались, он по-прежнему находится в Харькове и фотографирует сейчас войну. Он абсолютно гениальный фотограф и классный человек.

А.П.: Что тебя поддерживает сейчас? Что тебе дает стимул, что ты смотришь, читаешь или слушаешь, и кто является собеседником в сложившейся ситуации?

А.К.: Я очень постоянен в своих пристрастиях, слушаю практически постоянно Гольдберг-вариации в исполнении Гленна Гульда. Сейчас читаю мало, в основном новостную ленту. Из художников, с которыми мы просто общались во Франции, кроме ЕлиКуков, это Сережа Прокофьев, он тоже в Париже сейчас со своей женой Настей. Мы с ним много общаемся, у нас хорошие отношения и контакт. В принципе, мне нравится и интересно то, что он делает. Еще мы общаемся с Ваней Лунгиным. Он полжизни провел в Париже, классный человек и уже не совсем русский художник. То есть то, что он делает, оно другое, я вижу эту разницу.

MAPPING DIASPORA
ANDREY KUZKIN

Мои близкие друзья МишМаш, с которыми мы в творческом ключе достаточно плотно общались в Москве и обсуждали наши идеи, сейчас в Италии и собираются в Германию. Мы сейчас меньше общаемся, но контакт сохраняется.

А.П.: Как ты себе сейчас представляешь своего зрителя? Он изменился или нет?

А.К.: Конечно, изменился, как и я. На мою парижскую выставку пришло процентов 60–70 русских, которые меня в той или иной степени знают по Москве. Французская публика тоже достаточно хорошо её восприняла, насколько я понимаю,. Но она совершенно другая. Потом ты начинаешь впитывать эту среду и как-то тоже меняешься. То есть мне говорили про эти новые работы хлебные, что они уже другие относительно того, что было в России...